

УТВЕРЖДАЮ:

Первый проректор

Южного федерального университета

д.э.н., профессор

14 мая 2015 г.

М.В. Сероштан

Отзыв ведущей организации

федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет» о кандидатской диссертации Шхачемукова Рустама Махмудовича «Процесс становления и развития исторического знания в Адыгее (середина XVIII – 80-е гг. XX вв.)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования

Поставленная в диссертации проблема представляет значительный интерес. Ее исследование относится к одной из наиболее важных сторон истории духовной культуры, которую представляют собой исторические знания, а на определенной их стадии, в новое и в новейшее время, историческая наука. Вне учета сложных и противоречивых процессов их развития трудно уяснить общий характер культуры страны, народа и отдельных сообществ. Поставленная проблема, кроме того, позволяет раскрыть одну из сторон истории самой исторической науки в нашей стране, составную часть которой выражало историческое знание и историческая наука в отдельных национальных культурах. Также эта проблема направлена

на формирование комплексного знания об исторической мысли и исторической науке на Северном Кавказе вообще и в Адыгее, в частности. Наконец, данная проблема дает возможность понять особый путь становления исторической науки, когда ей предшествовала долгое время существовавшая в новое время традиция накопления и сохранения знаний о прошлом, прежде всего о родном прошлом, при отсутствии письменной их фиксации. Такой путь означал не только отсутствие некоторых важных стадий в развитии исторической науки, имевших место в новое время, но и воздействие на нарождавшуюся и развивавшуюся новую национальную письменную историографическую традицию со стороны историографии, имевшей длительную традицию письменного выражения исторического знания и более благоприятные условия для становления истории как научной дисциплины. Все это дает основания одобрить поставленную проблему. Ее исследование не только расширяет поле научного историографического знания, но и позволяет выявить особенности его становления и развития в конкретных условиях культуры адыгов нового и новейшего времени.

Поставленной проблеме соответствует структура исследования. Автор выделил в нем три главы. Совершенно очевидно, что в таком исследовании первая глава должна носить теоретический характер, и в ней обращено внимание на развитие исторической мысли как на сложный интеллектуальный культурно-исторический процесс, прослежены его тенденции и особенности. Две последующие главы непосредственно посвящены анализу материала, относящегося к становлению исторического знания в Адыгее, к формированию предпосылок возникновения истории как науки, к этапам в ее развитии в республике и к их особенностям. В целом с подобной структурой можно согласиться. Она позволяет обратить внимание на теоретические вопросы, связанные с историей исторического знания в Адыгее, и правильно обозначает его основные этапы, особо выделяя возникновение в республике истории как научной дисциплины. Кроме того, эта структура позволила проследить развитие исторического знания и

исторической науки в республике в самых разнообразных его формах. В частности, относится это к историко-этнографическому направлению, к краеведению, которое являлось непосредственным результатом массового интереса к истории и отражало успехи исторической науки, а также историографии на уровне местных административно-территориальных образований. Все это позволяет одобрить избранную автором структуру своего исследования.

Введение имеет все необходимые составные части. Положения, относящиеся к актуальности исследования, обосновывают ее с достаточной убедительностью. Привлекает при этом авторское указание на то, что изучение темы позволяет раскрыть одну из своеобразных моделей научного исторического знания, которая сложилась в условиях Адыгеи (с.3), но отчасти и в некоторых других национальных исторических дискурсах на территории нашей страны. Правильно указано на связь между исторической наукой в Адыгее и отечественным кавказоведением. Историографическая часть введения содержит четкую классификацию относящихся к поставленной проблеме диссертации исследований по важнейшим вопросам, которые ее затрагивают. Выделены труды по методологии истории (с.4), по истории советской исторической науки (с.4-5), по актуальным проблемам кавказоведения (с.5-6), а также исследования, относящиеся к отдельным историкам, работавшим в республике. Упомянуты также библиографические исследования (с.6). Их привлечение помогло не только целенаправленно вести эвристическую работу, но и выявить одно из важных направлений развития исторической науки в Адыгее, к которым относится библиография. Классификация является очевидным результатом проделанного Р.М. Шхачемуковым историографического анализа, и приведение ее представляется обоснованным.

Не вызывает возражения авторская формулировка объекта и предмета исследования (с.7). Привлекает при этом указание на динамику процесса развития исторической мысли и исторической науки на протяжении

длительного периода, охватывавшего почти две сотни лет. Было справедливо обращено внимание на изменения проблематики исторических трудов, характерной для определенных периодов в развитии культуры и исторической науки, а также источниковой базы, методов и теоретических основ научного исторического познания. Тем самым по существу выделялись важнейшие стороны, на основе сопоставления которых можно было выделять направления в развитии исторической науки в Адыгее и давать оценку их результатам. Из итогов историографического анализа выводится определение цели и задач исследования (с.7-8). При этом верно указано на стремление к изучению общего и особенного в историографическом процессе в Адыгее, поскольку опора на категории общего и особенного в постановке исследовательской цели характерна для всякого научного исторического, в том числе и историографического, познания. Выделенные автором задачи исследования соответствуют его цели и направлены на ее конкретизацию. Как представляется, в качестве одной из его задач особый интерес вызывает упоминание об изучении возможностей для развития новых, модернистских направлений в развитии исторической науки в республике (с.8). То же самое можно сказать об изучении организационной стороны исторической науки в Адыгее. Это не случайно, поскольку постановка организации исследований является существенной составной частью в структуре всякой науки как особой формы культуры.

Характеристика источниковой базы, данная Р.М.Шхачемуковым во введении, дает представление о степени ее полноты и репрезентативности. Поставленная проблема предполагает обращение к анализу историографических источников. Первичной формой их анализа является классификация, которой уделено необходимое внимание. Прослеживается при этом два вида их классификации, по форме и по содержанию, с преобладанием классификации по форме (с.8). Такая классификация не только отражает реальное подразделение комплекса историографических источников, но и позволяет решить поставленные в исследовании задачи.

Автор выделил роль анализа отдельных историографических источников в уяснении характера историографического процесса в Адыгее. На его взгляд, характеристика становления и развития научной исторической мысли в республике возможна далеко не только при анализе научных исследований, но и иной исторической литературы. К ней Р.М. Шхачемуков относил литературу мемуарную и биографическую, краеведческую и популярную, а также учебную (с.8). С этим можно согласиться. В этой литературе в той или иной форме отражен уровень исторической науки того времени, когда она создавалась, а также по ней можно проследить связь между исторической наукой и массовым историческим сознанием. Несомненно вместе с тем, что при признании в качестве историографического источника исторической литературы, не относящейся к научной, следует учитывать, что в ходе историографического анализа источником первостепенной значимости остаются научные исторические исследования.

Значимым теоретическим вопросом, относящимся к поставленной в исследовании проблемы, является соотнесение локального историографического процесса с общими явлениями и тенденциями в историческом познании (с.17). На это обстоятельство справедливо обращается внимание автором. Значительный интерес представляет предложенная Р.М.Шхачемуковым периодизация историографического процесса в Адыгее. Это предполагает необходимость выделения критериев для периодизации. Автором такие критерии были предложены. К ним он отнес появление новых концепций, развитие проблематики исследований, развитие типологии исторических трудов, расширение их источниковой базы, а также то, что относится к развитию методологии истории (с.35). С этим не только можно согласиться. Целесообразно принимать эти критерии во внимание в ходе сравнительно-историографического анализа и, следовательно, видеть за ними определенное методологическое содержание. Как подчеркивает автор, признаки научности историография в Адыгее стала приобретать только в советский период (с.44).

История исторической науки имеет в качестве одного из наиболее сложных вопросов генезис исторического знания. Это не случайно, поскольку вопрос о генезисе культурно-исторического феномена, как правило, представляет значительную трудность для исследования. Объясняется это тем, что существенные его стороны оставались за пределами письменной фиксации. Тем более это относится к начальной стадии исторической мысли у адыгов, где, как отметил Р.М.Шхачемуков, имели место разные культурные и религиозные традиции, которые оказывали свое воздействие на восприятие и оценки прошлого, сказывались на особенностях фиксации его в памяти. Начало адыгской историографии автор связывает с трудами выдающихся просветителей Ш.Ногмова и Хан-Гирея (с.39), а также со становлением кавказоведения в России, что отвечает оценкам, принятым в отечественной исторической науке. Привлекает авторская характеристика интересных подходов адыгских историков начала XX в. по вопросу о конфессиональной истории адыгов, о распространении среди них христианства и ислама (с.80,81).

Говоря о становлении исторической науки в Адыгее, Р.М.Шхачемуков самое значительное внимание уделил в этом процессе роли краеведения (с.45). В нем им справедливо виделась существенная особенность выхода истории на уровень науки в условиях не только Адыгее, но и в других республиках Северного Кавказа и в национальных культурах на территории СССР. Были при этом правильно подчеркнуты возможности, которыми располагало краеведение, находившееся на стыке массового и во многом стихийного интереса к прошлому и исторической науки. Автор указывал на то, что в историографии традиционно содержалась недооценка начальной стадии исторической науки на Северном Кавказе (с.108), одним из признаков этого было ограниченное понимание значимости краеведческих исследований. Есть основания с этим согласиться, причем этот вывод может быть экстраполирован и на некоторые другие регионы страны

применительно к двадцатым годам, в том числе на Дону и Северном Кавказе и к творчеству местных историков и краеведов.

Противоречивые явления, характерные в целом для всей советской историографии тридцатых – начала пятидесятих годов, отмечены автором в развивавшейся исторической науке в Адыгее. Если в целом в анализе развития исторической науки этого периода отмечено сочетание признаков поступательного развития, которые имели место по целому ряду существенных признаков, и негативных явлений, то Р.М.Шхачемуков более заметное внимание уделил последним, и для этого у него были весьма серьезные основания. В самом деле, если в двадцатых годах административный нажим на историческую науку в стране на уровне центра и регионов, в общем, только намечался, то в период оформления сталинского тоталитаризма с конца двадцатых годов историческая наука в полной мере стала рассматриваться как придаток партийно-государственной идеологии (с.110,111). Указание на ее догматизацию сделано верно и связано автором с внедрением марксистско-ленинской, классово-формационной метатеории при научном объяснении исторического процесса, при стремлении исключить иное в теоретическом отношении обоснование прошлого. Особенно негативно им отмечено воздействие в этом отношении «Краткого курса истории ВКП(б)», которое сказалось на исторической науке в стране в целом и в Адыгее (с.111,112). Можно согласиться с данной автором отрицательной оценкой такой весьма распространенной формой издания исторических трудов того времени как юбилейные сборники. В самом деле, в подобных изданиях идеологическая составляющая нередко преобладала над научной частью, содержащей итоги научных исторических исследований за предшествовавшие периоды.

Глубоко позитивной стороной анализа ситуации, в которой развивалась в те годы советская историческая наука в Адыгее, который был проведен Р.М.Шхачемуковым, была обоснованная характеристика роли политических репрессий. По авторской оценке, она была велика. Была дана оценка

последствий Академического дела для историков в Адыгее, а также репрессий, последовавших по обвинениям в национализме и в отступлении от партийной линии в национальном вопросе. Вывод автора о резко негативных последствиях репрессий для развития исторической науки в Адыгее не вызывает сомнения (с.115).

Как представляется, наибольшую сложность для анализа имел период позднего и позднейшего развития советской историографии в Адыгее, который приходился на вторую половину пятидесятых – восьмидесятые годы. Трудность заключается в том, что историки этого времени оказывали значительное влияние на современных российских историков, в том числе историков в Адыгее, а отдельные из них продолжают успешную работу в учебных и научно-исследовательских учреждениях страны. Тем более, что за этот период в развитии исторической науки, в том числе в Адыгее, имелись достижения, а некоторые фундаментальные издания обобщающего значения наподобие «Истории народов Северного Кавказа» создавались с участием адыгейских историков. В этой связи может быть поддержана авторская точка зрения, согласно которой труды историков могут быть разделены на две группы. К одной из них автором отнесены труды, возникшие по логики развития исторической науки, которые, по авторской оценке, носили как бы «естественный» характер и могут в полной мере быть оценены как научные исследования. К трудам другого рода – публикации, появление которых определялось политико-идеологическими причинами (с.163), а научность многих из них может быть поставлена под сомнение. Признаком такого их положения Р.М.Шхачемуков правомерно считает то обстоятельство, что схематизм в них преобладает над содержанием, которое вытекает из всего комплекса работы над источниками, выводы заданы заранее и делают «национально ориентированную» историю частью схемы (с.164), раскрывающей общее историческое развитие по пути к социалистической фазе высшей коммунистической формации.

Можно согласиться с автором и в том, что на историографию в национальных республиках, в том числе в Адыгейской АО, сказывались общие обстоятельства развития советской историографии того времени, и, в частности, отрыв от опыта и достижений зарубежной историографии. Известно, что часть профессионального сообщества советских историков остро ощущало это как недостаток, стремилась выйти за строго очерченные рамки нередко обязательного раздела «Критика буржуазных фальсификаторов» (с.164), но при отсутствии необходимой информации преодолеть его она была не в состоянии.

Интересное и самостоятельное исследование Р.М. Шхачемукова дает основание поставить некоторые вопросы, которые, как представляются, могли бы помочь прояснить авторскую позицию.

Так, при характеристике методологической основы исследования подчеркивается, что оно опирается на современные представления о принципах и методах научного исторического исследования (с.12). Указано при этом на принципы объективности, историзма и системности. Вместе с тем указанные принципы скорее соответствуют не современной, но более ранней научной историографической традиции, сложившейся в своей основе в методологии исторического и вообще гуманитарного познания XIX в. и сохранявшейся в XX в. Ценностный подход действительно может быть отнесен к современным. Это не случайно, поскольку он возник как часть контрпозитивистской методологии неокантианства, отражает поиск особенностей гуманитарного исследования по сравнению с исследованием в естествознании и направлен на раскрытие гуманистического потенциала исторической науки. Также не вполне удачно по отношению к принципам исторического исследования использовано существительное «применение». Если в отношении методов возможность его использования не вызывает сомнения, то принципы не то, что применяется, но то, что составляет основу методологической позиции историка и органически присущи его научному мышлению. При этом сочетание традиционных и новых, современных

методологических представлений в конкретном историческом и историографическом исследовании вполне возможно и существует в современной историографии.

Очевидно, что к историографической части введения могут быть отнесены рецензии, которые выходили на труды историков Адыгеи. В самом деле, в них через оценки рецензируемых исследований и исторических трудов дается общая характеристика уровню исторической науки в Адыгее.

Далее, представляет интерес данная Р.М.Шхачемуковым характеристика дописьменной традиции в сохранении и передаче исторических знаний у адыгов. При характеристике подобной стадии в развитии греческой исторической мысли Р.Дж.Коллингвуд выделял существование такой стадии, как история в ее мифологической, или теократической форме, которая предшествовала собственно истории. Еще одной стадией, которая непосредственно примыкала к истории, была логография, на которую, в частности, указывала Э.А.Шеуджен. В этой связи было бы интересно узнать, можно ли в культуре адыгов, предшествовавшей появлению трудов по истории и существовавшей в дописьменной форме, выделить подобные стадии, которые позволили бы более определенно представить возникновение истории в адыгской культуре как процесс.

Как представляется, Р.М.Шхачемуков допускает определенное противоречие. С одной стороны, как выше отмечалось, автор указывал на появление признаков научности в адыгской историографии с советского времени. С другой стороны, им подчеркивалось, что уже труды Ш.Ногмова и Хан Гирея «вполне отвечали уровню развития тогдашней исторической науки» (с.39), что представляется справедливым. Также вполне на уровне науки стояли некоторые работы адыгских историков начала XX в., хотя, конечно же, не на уровне методологических поисков этого времени, когда пересматривались основы позитивистской методологии истории. В этой связи было бы желательно уточнить авторскую точку зрения на время зарождения в культуре адыгского общества истории как науки.

Известно, что в историографии, развивавшейся на Северном Кавказе в советский период, очень большое место и не случайно занимала история Кавказской войны. Между тем, в оценках этого исключительно значимого явления отечественной истории XIX в. наблюдались принципиальные изменения. Так, если в двадцатых-тридцатых годах она рассматривалась как освободительная борьба против царских колонизаторов, то в послевоенный период имамат уже характеризовался как государство с жестким феодальным гнетом. Негативно оценивались его предводители, в том числе Шамиль и его наместник-наиб в Черкессии Мухаммед Эмин. В этой связи было бы желательно более подробно осветить отношение к этим изменениям в историографии, развивавшейся в те годы в Адыгее. А также тенденцию в более позднее время, уже в период семидесятых-восемидесятых годов, к идеализации политики самодержавия на Северном Кавказе и к концепциям добровольного принятия подданства местных народов России. И, возможно, осветить высказывания в адыгской историографии по вопросу о соседних с адыгами убыхах, судьбе которых за последнее время была посвящена монография М.Г.Хафизовой.

В целом Р.М.Шхачемукову принадлежит оригинальное и интересное исследование; относящееся к одной из важных сторон истории исторической науки в России и истории адыгской культуры. Текст автореферата диссертации отражает положения и выводы ее основного текста. Автор диссертации, Р.М.Шхачемуков, заслуживает присвоения степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Отзыв подготовлен д.и.н. (07.00.02 – отечественная история), профессором Николаем Александровичем Мининковым (344007, Ростов-на-Дону, ул. Б.Садовая, 33, тел. 89185795443, mininkov@aaanet.ru) и д.и.н. (07.00.02 – отечественная история), профессором Л.В.Мининковой (344007, Ростов-на-Дону, ул. Б.Садовая, 33, тел. 89185533854, lyudmila_mininkova@mail.ru).

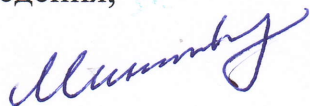
Отзыв утвержден на заседании кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Южного федерального университета 7 мая 2015 г., протокол № 8.

Заведующий кафедрой

специальных исторических дисциплин

и документоведения,

д.и.н., проф.

Николай Александрович Мининков

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования
«Южный федеральный университет»
личную подпись *Н. А. Мининков*
ЗАВЕРЯЮ:
Специалист по кадрам
« 13 » *10* 20 *15*

